

РОСТОВСКИЙ ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Специализированный совет Д 063.52.02
по историческим наукам

На правах рукописи

ГОЛОВАНОВА Светлана Александровна

РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ СВЯЗИ IX-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII ВЕКА
(историко-археологическое исследование по материалам
Центрального Предкавказья)

07.00.02 - Отечественная история

А В Т О Р Е Б Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Уважаемому
Сергею Леонидовичу!
С благодарностью
от автора
Ростов-на-Дону 1993 1.03.93.

Работа выполнена на кафедре истории культуры Чечено-Ингушского государственного университета.

Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации В.Б.ВАЙГРАДОВ

Официальные оппоненты: доктор исторических наук В.А.КИЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук, доцент
В.Н.КОРОЛЕВ

Ведущая организация: Кубанский государственный университет

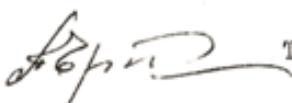
Защита диссертации состоится "___" 1993 г.
в ____ часов на заседании специализированного совета
д.063.52.02 по историческим наукам при Ростовском государственном университете.

Адрес: 344006, г.Ростов-на-Дону, ул.Пушкинская, 160.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
РИУ (ул.Пушкинская, 148).

Автореферат разослан "___" 1993 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

Т.Ф.ЕРМОЛЕНКО

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В последние годы советскими учеными проделана серьезная работа по изучению процесса включения народов Северного Кавказа в состав Российского государства и его исторических последствий. Вместе с тем стало очевидным, что еще недостаточно полно исследованы истоки и ранняя история русско-северокавказских связей. Назрела необходимость написания специальной работы, которая давала бы полностную картину развития взаимосвязей двух крупных регионов на протяжении IX - первой половины XVI в. Значительно расширилась источниковая база, в первую очередь, археологическая. Однако новые материалы не получили еще ни достаточного обобщения, ни четкой интерпретации; они не заняли своего места в общеисторической хронике событий, происходивших на Северном Кавказе. В имеющейся литературе по ранним русско-северокавказским связям накопился ряд дискуссионных вопросов, а некоторые хронологические периоды остаются пока своеобразными "бутылками плинтусами". В обобщающем коллективном труде "История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVI в." (М., 1988) отмечено: "Взаимоотношения народов Северного Кавказа с русами, русским государством - интересная и недостаточно разработанная историческая проблема" (С.146).

Основной целью работы является рассмотрение динамики развития экономических, военно-политических и культурных связей русского и северокавказских народов на протяжении IX - первой половины XVI в.

В соответствии с общей целью в диссертации ставятся следующие задачи: 1) спести воедино и проанализировать все доступные виды источников; 2) раскрыть исторические предпосылки установления непосредственных русско-северокавказских связей и определить роль походов Святослава против Хазарии; 3) возможно более полно представить политические, экономические и культурные связи народов Северного Кавказа с Русью в предмонгольское время; 4) показать полные сложности и драматизма русско-северокавказские связи в условиях господства золотоордынских ханов; 5) рассмотреть новую волну в развитии связей Русского централизованного государства с сопрокавказскими народами как составную часть нарастания русско-кавказских отношений IX - первой половины XVI в.

Методологической основой работы является диалектико- и историко-материалистическая система познания, в частности принцип историзма, означающий, что любое явление, факт, идея могут получить подлинную научную оценку только в контексте своей исторической эпохи.

- 2 -

Хронологически диссертации охватывает период с рубежа XII – IX вв., когда начинают складываться предпосылки для установления первых контактов, и до середины XVI в., знаменующего качественно новый этап в развитии связей России и Северного Кавказа.

Научная новизна работы. Впервые в кавказоведческой литературе предпринята попытка, принимая во внимание достижения и литературу предшествующей историографии, скрупулезность отдельных вопросов предшествующей историографии, представить целостную картину последовательного развития русско-северокавказских взаимоотношений на протяжении почти шести столетий.

В диссертации высказывается мнение о том, что до середины X века идет развитие восточного направления внешнеполитической деятельности Киевского государства, в котором доминирующее положение занимали Хазария и Закавказье, тогда как Северный Кавказ и его обитатели непосредственного участия в нем не принимали. И лишь освобождение районов из-под диктата Хазарии ставит северокавказские народы в разряд непосредственных партнеров Киевской Руси.

В работе, привлекая (помимо детального анализа письменных источников) ранее не учитывавшиеся фольклорные и археологические материалы, обосновывается реальность двух походов киевского князя Святослава против Хазарии в 965 и 968/69 гг. и их прогрессивное значение для дальнейшего развития народов Северного Кавказа. Автор попытался также как можно более полно раскрыть все многообразие связей, установившихся между Русью и Северным Кавказом в домонгольское время.

Определенный вклад сделан в разработку вопросов о характере связей в период монголо-татарского нашествия. Впервые собраны и проанализированы материалы, доказывающие несостоительность бытавшего мнения о прекращении каких-либо связей в этот период. Предлагается еще один подход к вопросу появления на Северном Кавказе предшественников гребенского казачества – бродников.

И наконец, рассматриваются особенности установления связей между Российским государством и Северным Кавказом и определяется место последнего в системе русско-кавказских связей в XIV – первой половине XVI в.

Практическая значимость работы — состоит в том, что опубликованные работы автора уже находят применение в местной и региональной историографии. Основные вопросы диссертации получили отражение в учебных лекциях по спецкурсу "Взаимоотношения России и Северного Кавказа и их последствия", читаемому в Чечено-Ингушском государственном университете.

Апробация результатов исследования осуществлялась прежде всего путем публикации 20 научных работ. Кроме того, по итогам изысканий автор выступил с докладами и сообщениями на II Всероссийской конференции по вопросам историографии истории народов Северного Кавказа и Дона (1982 г.), Всесоюзном научно-практическом семинаре "Северное Причерноморье и Поволжье по взаимоотношениях Востока и Запада в XI–XVI вв." (1986 г.), научной конференции " Из истории русско-северокавказских связей (К 1000-летию первого упоминания в летописи Тутарлакани)" (1988 г.), региональных конференциях "Археология и краеведение – вузу и школе" (1981, 1985, 1989 гг.), республиканской конференции молодых ученых и специалистов ЧИАССР (1984 г.), республиканских научно-пропагандистских конференциях (1986–1990 гг.), конференции по итогам научно-исследовательской работы ЧНУ им.Л.Н.Толстого (1983 г.), а также на заседаниях научно-методического "Кавказоведческого семинара" при кабинете истории культуры ЧНУ им.Л.Н.Толстого.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения. К работе прилагаются: список использованной литературы и иллюстрации.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, сформулированы цели и задачи исследования,дается характеристика территориальных границ и хронологических рамок.

Первая глава – "Историография и источники" – посвящена историографическому обзору и анализу источников. Отмечено, что монографического исследования русско-северокавказских связей до середины XVI в. ни в дореволюционной, ни в советской историографии предпринято не было.

Первые шаги в становлении историографии по проблемам русско-северокавказских связей были сделаны дворянской исторической наукой (И.И.Карамзин, С.И.Соловьев, М.П.Погодин, Д.И.Иловайский и др.). Значительное влияние на дальнейшее их изучение оказал сборник документов восточных авторов о Руси и русичах, опубликованный и прокомментированный А.Я.Гаркати.

Особое место в дореволюционной историографии занимают работы П.Буткова и С.А.Белокурова, в которых на основе анализа русских летописей, впервые рассматривались отдельные вопросы непосредственно русско-северокавказских связей. Несколько исследователи терского

кивачества И.Попко, И.Крамцов, В.Бентковский сделали попытку объяснить некоторые письменные и фольклорные свидетельства пребывания русских людей на Северном Кавказе в XII-XIV вв.

Однако обращение к ранним русско-северокавказским связям не оформилось в самостоятельное исследование или научное направление. Рамки научного поиска ограничивались изучением событий IX-X вв. и фактически вне зоны научного поиска оказался весь последующий период вплоть до второй половины XVI в.

В отечественной историографии новейшего времени основная масса работ по русско-северокавказской проблематике представлена научными статьями, посвященными частным аспектам определенных хронологических периодов.

В русле изучения русско-северокавказских связей наиболее разработанными являются взаимоотношения Руси и Хазарии, т.е. период IX-X вв. (А.Д.Якубовский, В.В.Бартольд, Б.А.Рыбаков, В.Т.Памуто, Т.М.Калинина, А.П.Новосельцев и др.). Результаты изучения этого вопроса были обобщены в работах А.Н.Сахарова, который подошел к рассмотрению восточного направления русской политики во взаимосвязи со всей древнерусской дипломатией.

Исследуя военно-политическую сторону русско-хазарских отношений советские историки не оставили без внимания и такой важный вопрос, как развитие торговли (П.Г.Любомиров, Н.М.Велиханова, М.И.Артамонов, Б.А.Рыбаков, Т.М.Калинина, Ю.А.Лимонов и др.).

Принципиально важным в изучении русско-северокавказских связей является проблема походов киевского князя Святослава против Хазарии. В литературе утверждились две точки зрения: 1) русские летописи и Ибн Хаукалъ сообщают об одном походе 965 г. киевского князя против каганата (В.Бартольд, А.И.Артамонов, Б.А.Рыбаков, С.А.Сахаров, В.Ф.Минорский и др.); 2) данные источники содержат известия о двух различных походах 965 и 968/69 гг. (В.Мошин, А.П.Новосельцев, Т.Н.Калинина и др.). В последние годы Н.Г.Ловлаче и В.А.Кузнецov подняли вопрос о позитивных последствиях походов Святослава для дальнейшего развития северокавказских народов.

Историография русско-северокавказских связей второй половины X - начала XII в. представлена в первую очередь работами общего характера и статьями Л.Б.Заседателевой, В.А.Кузнецова, Р.М.Магомедова; А.Л.Юнгайта, Е.П.Алексеевой, Н.П.Грищенко, С.А.Головановой и др.

В историографии 50-60-х гг. сложилось довольно устойчивое

мнение о том, что русско-северокавказские отношения в XII-XIV вв. прерываются. В.Б.Виноградов пересмотрел эти предстафлонии, выказав точку зрения о том, что связи этого периода сохраняются, но приобретают своеобразный, противоречивый, а подчас и трудный для восприятия характер. Она получила признание и дальнейшую разработку в совместных трудах М.О.Бузуртанова, В.Б.Виноградова, С.Ц.Умарова, статьях Х.М.Мамасова, С.А.Головановой, Е.И.Народного, Р.А.Дутовой.

Параллельно с историками вопросами русско-северокавказских связей занимались археологи (В.А.Кузнецов, М.Д.Полубояринова, В.И.Марковин, В.Б.Виноградов, Х.М.Мамасов, Д.Ю.Чахкиев, Е.И.Народный), языковеды (А.А.Саламов, Д.Д.Мальсагов, Ю.Д.Дешериев, Г.-Р.А.-К.Гусейнов и др.) и фольклористы (И.В.Тресков, Х.В.Туркаев, И.Л.Дахкильев, А.О.Мальсагов и др.).

Таким образом, в дореволюционной и отечественной историографии новейшего времени был накоплен определенный положительный опыт изучения отдельных периодов в истории развития русско-северокавказских связей, проделана большая работа по выявлению, публикации и комментированию письменных, археологических и иных источников. Между тем, проблема взаимоотношений народов Руси и Северного Кавказа рубежа VIII-IX - первой половины XVI в. требует комплексного исследования путем вовлечения в научный оборот всего корпуса выявленных источников.

Источниковую базу диссертации составляют письменные, археологические, фольклорные материалы, данные архитектуры. Причем, каждый исторический этап развития имеет свои источники в различных сочетаниях, поэтому в основу их классификации положен прежде всего хронологический принцип.

Письменные источники представлены хорошо известными специалистами записками персидских и арабских авторов Ибн Исфедиша, ал-Мис'уди, Ибн Фискальха, Ибн Хаукалъ и других. В них содержится информация о военных и торговых операциях русов в IX-X вв.

В русских летописях тема Северного Кавказа начинает звучать только со второй половины X в. В них получили отражение в основном события политического характера. Интересные сведения, дающие дополнительную информацию в отношении событий X в., XII-XIV вв., содержатся в работах Константина Багрянородного, Плано Карпини, Гильома де Рубрука, Рашид-ад-Дина, ал-Омари, а также альгаком, чеченском и кабарийском фольклоре.

Археологическую базу работы составляют предметы древнерусского происхождения из средневековых памятников Северного Кавказа. В диссертации привлечены опубликованные материалы, а также архивные данные и фоновые коллекции, хранящиеся в Институте археологии АН СССР, Ленинградском отделении АН СССР, Чечено-Ингушском и Кабардино-Балкарском республиканских объединенных краеведческих музеях, археологической лаборатории Чечено-Ингушского госуниверситета. Часть исходных данных получена при участии автора в полевых изысканиях в составе Предгорно-плоскостной археологической экспедиции и археологической лаборатории ЧПУ (руководитель В.Б.Виноградов) в районе селений Мартан-Чу, Майртуп, на Келийском могильнике, Гудермесском поселении (Чечено-Ингушетия).

Глава вторая - "Русско-северокавказские связи до второй половины X в." - посвящена истокам становления связей госточных славян и русичей с северокавказскими народами, рассмотрению событий середины X в. на Северном Кавказе и их влияния на развитие русско-северокавказских контактов.

В § I исследуется период рубежа VIII-IX - первой половины X в., в течение которого складывались объективные предпосылки перехода от эпизодических контактов к налаживанию постоянных и разносторонних русско-северокавказских связей.

Проведенный анализ письменных источников и сопоставление его с данными нумизматики позволил предположить, что первые контакты могли быть установлены не ранее 70-80-х гг. VIII в., когда начинает развиваться торговля Восточной Европы со странами Арабского халифата, в которой восточнославянские земли, а затем Киевская Русь, выполняли роль своеобразной транзитной торговой базы.

Одним из наиболее значимых торговых путей, шедших из Киева, был вакацкий-багдадский. Это направление складывалось, на наш взгляд, из двух звеньев единой торговой цепи: русско-хазарской и русско-вакацкой-багдадской, причем первое имело приоритетное значение не столько в экономическом, сколько в политическом плане. По-видимому, не случайно письменные источники разделяют районы торговли славянских купцов и купцов-русов, ограничивая первых только внутренним хазарским рынком.

В работе подробно рассмотрен транзитный караванный путь, проходивший по предгорьям Северного Кавказа и составлявший отрезок одного из важнейших среднеазиатско-причерноморских маршрутов, и новый - волго-каспийский. Русские купцы привозили на северокавказский рынок традиционные для них товары: дорогие меха, мед, воск,

льшные изделия, а покупали в первую очередь необходимые в пути сельскохозяйственные продукты.

Продолжением экономической политики Киевского государства стали военные операции в районах Прикаспия в IX - первой половине X в. Первые же походы дружин русов привели во взаимодействие из Кавказа - четыре политические силы - Русь, Византию, Хазарию и Арабский халифат. Отечественные историки давно обратили внимание, что походы 864-884 гг., 909-910 гг., 912/13 гг. следовали непосредственно после подписания русско-византийских договоров. Извлекая союзницей Византии, Хазария вынуждена была признать и Русь, в результате, появилась реальная возможность для выхода на рынки Востока, так как открылся путь для судов русов через хазарские территории. Но союз с Византией и Хазарией не мог не оказаться на отношениях с арабами и их союзниками - прикаспийскими и закавказскими владетелями. Таким образом, подписание русско-византийских договоров имело еще одну закономерность - грозко обострило русско-арабские отношения. И в результате предпринятых усилий Киевскому государству не удалось решить своих внешнеполитических задач. Гарантированных торговых маршрутов ни экономическими, ни военными мерами закрепить оно не смогло.

Киевская Русь возобновляет попытки установить прямые связи с Западным в 945 г., когда состоялся поход на Бордаа. В становлении русско-северокавказских связей он занимает особое место, так как им было положено начало военному союзу русского и северокавказских народов.

На наш взгляд, поход 945 г. проходил в условиях резкого обострения русско-хазарских и византийско-хазарских отношений. В этот период интересы русов устремлены не на Абесгун, как прежде, а к Бордаа - крупному торговому центру, находившемуся в стороне от морских дорог. Разрыв отношений с Хазарией, заставил Русь осваивать новые торговые дороги и новые центры международной торговли.

Первый удар в 945 г. был нанесен по Абхазии (Западной Грузии), оттуда путь лежал к Дербенту. В отличие от Н.Я.Полового, М.И. Артамонова, С.А.Юнусова, автор придерживается версии сухопутного перехода от Абхазии к Дербенту по территории Северного Кавказа. Существовал более короткий, а учитывая сложность отношений с Хазарией, и более наложенный путь - через Даръяльский проход в "страну алани". По-видимому, маршрут проходил и в приграничных районах Хазарии, так как Низами говорит о стране "арков" (по мнению Н.Я.

Полового, это хазары). От Дербента начинается морской отрезок пути – русские отряды входят в устье Кури и устремляются к Бердаа. По пути к Дербенту русы находят себе союзников: "отряды из буртас, алан и хазар" (Низами), а также лезгов (Григорий Абуль-Фарадж, Бар Гефреи). Естественными союзниками русов в походе 945 г., на наш взгляд, являются северокавказские алани.

Принципиально отличаясь по методам и задачам от предшествующих походов, поход 945 г. имел тот же конечный результат: Киевская Русь выполнила свои союзнические обязательства перед Византией, отвлекла на себя часть мусульманского войска, однако свои торгово-экономические интересы ей вновь реализовать не удалось.

В § 2 рассмотрены политические события второй половины X в. на Северном Кавказе и их влияние на развитие русско-северокавказских связей.

Главным событием этого периода стали военные действия киевского князя Святослава против Хазарского каганата. Русско-хазарскую войну второй половины X в. условно можно разделить на два этапа: первый – поход Святослава в 965 г., который лег в основу сообщения русской летописи; второй – поход 968/69 гг., освещенный в сочинении Иби Каукаля.

Первый удар Святослав наносит между двумя походами на земли (964, 966 гг.), продолжавших выплачивать дань каганату, что, по-видимому, послужило одним из поводов к началу военных действий. После состоявшегося в 965 г. сражения с хазарами, Святослав разгромил приграничную крепость Саркела. Дальнейшие действия Святослава переносятся в земли ясов и касогов. В настоящее время обосновываются два района их локализации: Северный Кавказ (М.И.Артамонов, Л.Б.Заседателева, А.Н.Сахаров) и Прикубанье (А.В.Гадло, Е.Г.Пчелина). Внести географические уточнения позволяет обращение к отрывку из "Записки греческого топарха" о борьбе жителей владений топарха и соприкасавшихся с ними областей с "варварами". Эти события связываются с периодом правления Святослава и территориями, включенными в состав византийских и хазарских климатов (А.Н.Сахаров). В состав "девяти климатов Хазарии" входило плодородное Прикубанье, возможно, и часть Алании (В.А.Кувшинов). Следовательно, в 965 г. киевский князь не ограничился взятием Саркела, а перенес военные действия на области климатов – плодородное Прикубанье. Подчинив себе хазарские климаты, Святослав тем самым значительно нарушил сложившуюся политico-экономическую систему каганата, однако политическая структура государства затронута не была.

Следующий удар был нанесен по владениям топарха, после чего последовало посольство Калокира в Киев и подписание русско-византийского договора, по условиям которого Византия восстановливала позиции в Крыму и Северном Причерноморье, а также брала обязательства соблюдать нейтралитет во время предстоящего похода Руси на Буйай. Поход 965 г. на хазар, на наш взгляд, правомерно рассматривать не как самостоятельную акцию против каганата, а как неотъемлемый компонент подготовки Балканской кампании.

Свой второй поход на каганат Святослав совершил после возвращения в Киев, в связи с осадой его печенегами (лето 968 г. – весна 970 г.). Маршрут движения русского войска в 968/69 гг. нам представляется следующим: быстро прошла по Оке, сюда вышло на Волгу, где разгромило булгар и буртасов. Спустившись по Волге, захватило хазарскую столицу Итиль, далее путь лежал вдоль каспийского побережья к Семипалату, на этом Иби Каукаль заканчивает описание маршрута. Северокавказский отрезок пути Святослава можно наметить на основе археологических данных. Следы пожарищ и разрушений в слоях X в. прослеживаются на Шелкозаводском городище, аланском могильнике у селения Мартан-Чу, Гудермесском поселении (Чечено-Ингушетия). Следующая область действия – земли ясов и касогов. Память об этих событиях сохранилась в адыгском фольклоре, записанном и продомменитированном Ш.Б.Ногмовым. Борьбу против хазарской власти северокавказские народы, очевидно, начали вести после 965 г., но она не принесла успеха. Согласно адыгскому преданию, после первых военных столкновений с алингами, был заключен русско-алано-касожский антихазарский союз. Алано-касожские отряды, влившиеся в русское войско, способствовали быстрому завершению разгрома войска Хазарии и взятию Тмутаракани.

Исторические последствия победы над хазарами дали положительные результаты как для самого Киевского государства, так и для северокавказских народов (А.В.Кузнецова, Н.Г.Левченко), избавившихся от многовековой зависимости от хазар и получивших возможность для дальнейшего перспективного развития. Эта победа означала и начало перехода к качественно новому этапу непосредственного общения народов Руси и Северного Кавказа.

Глава третья – "Русские княжества и Центральное Предкавказье в конце X – начале XI в." – рассматривает политические, экономические и культурные взаимосвязи этого периода.

Со второй половины X в. складываются благоприятные условия для формирования русско-северокавказских связей (образование Тмутараканской структуры государства затронута не была).

реконского княжества, появление русского населения в Полонье, создание русской торговой фактории на берегу Каспия и т.д.).

В главе проанализированы русско-касонские и русско-аланские политические связи, которые позволили уяснить, что во 1036 г. тутараканские и касонские князья проводят самостоятельную политику по отношению к северокавказским народам. После 1022 г. оформляются насыщенно-данические отношения между тутараканским князем Мстиславом и сторонниками албанского князя Редеди. Одновременно можно предполагать наличие в касонской среде оппозиции, противившейся курсу на союзание с Тутараканью. Антитутараканского курса придерживалась, по-видимому, и аланская правящая верхушка, заключившая в 1023 г. союз с касонами против Тутаракани. Непростую ситуацию на Северном Кавказе попытался использовать в борьбе против Мстислава Ярослав Мудрый, совершивший в 1029 г. поход на ясов, завершившийся подписанием русско-аланского договора. Продолжением этого союза явились операции 1030-1033 гг. против Ширвана и Дербента.

С конца X в. начинается новый этап развития русско-северокавказской торговли. По-прежнему районы Северного Кавказа включены в систему дальневосточной торговли Руси, о чем свидетельствуют находки бус из двухслойного бесцветного стекла с металлической прокладкой (М.Фехнер, И.Херман). Торговля с северокавказскими народами через Тутаракань начинает осуществляться только со второй половины XI в. (С.И.Финогенова). Исследования материалов средневековых могильников Северного Кавказа показали, что основную долю ввозимых товаров составляли предметы ремесленного производства: изделия из лягуш, стеклянные браслеты, металлические бубенчики, при сохранении определенной части традиционного русского импорта. Об активном использовании русским купечеством северокавказских торговых путей свидетельствует наличие двух выражительных каменных крестов у селений Преградное и Заманкул.

С середини XI в. русско-северокавказские связи начинают ослабевать. Интересные материалы, свидетельствующие о сохранении связей между Северным Кавказом, Владимиро-Сузdalским и Новгородским княжествами дает анализ русско-аланских династических браков и борьбы Георгия Русского за грузинский престол. Автор приводит систему доказательств показывает, что из всех летописных упоминаний о браках русских князей с ясными, к северокавказским аланам относятся только жена Андрея Боголюбского Испания и его юношник Анбал Испин.

В данной главе рассмотрен вопрос о связях кавказской и древнерусской архитектуры и о возможном влиянии Кавказа на сложение последней. Центральным стала интерпретация христианских церквей Верхнего Джулаты. В разное время высказывались предположения об их древнерусском происхождении (Е.И.Крупнов), о принадлежности джулатской католической кафедре Ю в. (В.А.Кузнецов), о перекрестном влиянии на них трех родственных культур – Византии, Руси и Грузии (Э.Ш.Дидебулидзе). На наш взгляд, можно выделить два периода формирования христианских храмов Верхнего Джулаты: I – с конца XII в. до 1278 г., когда они были построены и использовались под прямым влиянием грузинской церкви; 2 – с конца 30-х гг. XIII в. до начала XIV в., когда произошло оживление христианства под воздействием католических миссионеров, что и повлекло восстановление и перестройку ранее разрушенных храмов. Общие черты прослеживаются в архитектуре Владимира-Сузdalского княжества и Лыкенского храма в Абхазии, Северного храма на реке Большой Егорлык, в рельефах Рязани и храма Тхаба-Ерды из Чечено-Ингушетии.

В диссертации рассмотрена еще одна сторона взаимодействия культуры народов Руси и Северного Кавказа – декоративно-прикладное искусство. В литературе утвердилась точка зрения о посреднической роли Кавказа между Востоком и Русью в деле освоения искусства черни (Э.В.Кильчевская, Т.И.Макарова). Общие черты орнаментики, представленной на изделиях из металла, тканях, седлах в русских и аланских древностях выделяет В.А.Кузнецов. По форме и смысловой нагрузке имеют определенное сходство так называемые северокавказские "трезубы" и древнерусские знаки Рюриковичей (С.Н.Савенко). Поразительное сходство со славянскими (вялическими) семилопастными подвесками имеют средневековые ингушские подвески из Чечено-Ингушетии. В их изготовлении использовались, видимо, местные традиции, испытавшие некоторое влияние русского декоративного искусства XI-XII вв. (Р.А.Даутога).

Анализируя динамику развития русско-северокавказских взаимоотношений конца X – начала XIII в., автор отмечает, что наиболее интенсивно этот процесс проходил с конца X в. до конца XII в., после чего наступает заметное их ослабление.

Четвертая глава – "Характер русско-северокавказских связей в золотоордынскую эпоху" – посвящена научному осмыслению письменных и археологических источников XI-XIV вв.

Русско-северокавказские отношения этого периода находятся в

полной зависимости от политики Золотой Орды². Создаются условия и возможности для осуществления взаимосвязей народов, так или иначе оказавшихся в орбите их власти.

В литературе неоднократно обращалось внимание на хорошую обведомленность русских летописцев о событиях XIII-XIV вв., связанных с северокавказским регионом: об эпизодах 1346 г. и 1364 г., подробностях трагедии 1277-1278 гг., 1318 г. и т.п.

Подлинный драматизм русско-северокавказских отношений этого периода начинает проявляться с событий 1277-1278 гг. Хан Менгу-Тимур привлек к борьбе с жителями непокорного аланскоого города Дедукова (Верхнего Джулата) многих русских князей. Из похода они вернулись с воинами трофеями и "полон взяша". Известно, что Глеб Васильевич привел с собой большое количество пленных аланов и распустил их в Ростово-Суздальском княжестве (С.Марков). Как свидетельствуют источники, переселение целых массивов северокавказских народов в золотоордынское время осуществлялось неоднократно. В 1282 г. татарский баскак Ахмат переселил черкесов из Бештау и Пятигорья на территорию Курского княжества, в 1305 г. "черкасы пятигорские" вновь были приведены на поселение в город Черкассы. Известны "бессергиенские" слободы и в Липецком княжестве. Причина переселения связана с деятельностью монгольских властей по оформлению пограничной линии между русскими и золотоордынскими владениями. В данных районах создаются особые буферные зоны, заселенные, как правило, иноэтническими представителями (В.Л.Егоров).

События 1277-1305 гг. показали, что усилиями золотоордынских властей идет процесс противопоставления русского и северокавказских народов, носящий внешне явно негативный характер.

В 1318 г. в результате борьбы за помыкое мяжение с Юрием Московским погибает в Орде тверской князь Михаил. Наиболее аргументировано место его гибели определяется на участке левобережья Сунжи в окрестностях современных селений Птичево и Карабулак (В.Б. Виноградов). В 1318 г. на татарском кочевье находилось большое количество русского населения, самой различной сословной принадлежности, значительным оно было и в золотоордынских Малкахах. События 1318 г. высветили еще одну сторону русско-северокавказских отношений. Из ставок золотоордынских ханов нити этих связей уходили в горы, где сосредоточилось неподдастное им население. Об этом свидетельствуют многочисленные находки древнерусских предметов в горной зоне Северного Кавказа, и летописный сюжет, в котором Михаилу Тверскому предлагают искать ссыпания в горах.

В условиях джучидского господства возникали и нетрадиционные сферы обмена. Русские и северокавказские воины встречались под хонскими знаменами (Рашид-ад-Дин, ал-Омари), нелегкая судьба свела русских и алан в далеком Китае (Палладий).

Особое место в исторических судьбах народов Руси и Северного Кавказа занимали события 1360 г. Поход Мамая на Русь явился последней акцией, в которой приняла участие и часть северокавказского населения. Социальную основу этих отрядов составляли крупные феодалы. Бесславный поход ясов и черкасов в рядах ханского войска лишь незначительный эпизод на общем фоне непрекращавшегося сопротивления северокавказских народов захватчикам.

В § 2 рассматриваются археологические материалы древнерусского происхождения, найденные на территории Северного Кавказа и причины их появления здесь. В древнерусскую коллекцию входят мелкая христианская пластика (28 экз.), древнерусское оружие.

Суммарная дата большинства христианских предметов XI-XIII вв., что позволило ряду исследователей отнести часть из них к домонгольскому времени (В.А.Кузнецов, В.Б.Виноградов и пр.). Однако учитывая, что, во-первых, в 40-х гг. в Киеве нательные кресты изготавливались по домонгольским образцам; во-вторых, в закрытых комплексах XIII-XIV вв. встречаются материалы более раннего времени (Келийский могильник); в-третьих, культовые реликвии из городов Золотой Орды также датируются домонгольским временем, мы склонны связывать все изучение в данном параграфе материалами с событиями XIII-XIV вв..

В работе исследованы и обстоятельства появления русских материалов в регионе. Большинство предметов христианской пластики было разнесено вне границ русских земель пленными; участвовали в этом пропесое, по-видимому, русские князья и дружины. Какая-то часть из них (в первую очередь оружие) приобреталась на рынках или захватывалась в качестве трофея. Автор делает попытку увязать эти процессы с конкретными историческими событиями: разгромом русских княжеств в 1223-1239 гг., походом темника Ногая на Новгород в 1278 г., деятельностью новгородских ушкуйников, разгромом в 1277-1278 гг. Верхнего Джулата.

Особое внимание уделяется исторической интерпретации русских материалов XIII-XIV вв. из Чечено-Ингушетии, так как здесь шел процесс формирования древнейшего ядра северокавказского казачества. В связи с этим, предпринят подробный анализ перспективной, на наш взгляд, идеи поиска корней казачества в среде так называемых брод-

ников (В.В.Марголин, И.И.Волынкин, В.И.Денискин, Л.И.Гумилев, В.Б.Виноградов). В районах близких к Тереку к памятникам данного круга отнесено селение Майртуп. Археологические источники показывают, что в районе Майртупа проживало этнически смешанное население, но по количеству оставленного материала значительную часть его составляли русские. Время появления бродников в районе Майртупа может быть отнесено ко второй половине XII в. Известно, что бродники были союзниками монголо-татар в 1223 г., этот союз продолжался и во времена второго наступления Батыя. Исходя из этого можно предположить, что появление бродников в районе Майртула было основано после указанных событий и первоначально выполняло задачу сдерживать нападок со стороны членов горных районов, то есть и здесь мы имеем вариант создания буферной зоны, как это практиковалось в приграничных районах с русскими землями за счет иностранных элементов.

Летая глава – "Взаимоотношения Русского государства с народами Центрального Предкавказья в XIV – первой половине XVI в.".

Взаимоотношения Русского государства с народами Центрального Предкавказья в XIV – первой половине XVI в. является одной из слабоизученных проблем, не обеспеченной достаточным источниками материалом.

После распада Золотой Орды и усиления Русского централизованного государства, русскому и северокавказским народам предстояло заново искать пути политического общения, преемственность с прошлым периодом сохранилась только в области торговли. Русское купечество активно использовало древнейший Волго-Каспийский путь уже с XIV в., продолжает он функционировать и в XVI в. Русские купцы хорошо знали Дербент, Бирзан, Шемаху, через Дагестан проникают и в степи Северного Кавказа. О начале вовлечения северокавказских народов в торговые операции с русскими свидетельствуют неизвестенные археологические материалы: русская монета чекана московских князей второй половины XIV – начала XV в. (В.И.Марголин), находившаяся в обращении до середины XV в. (В.Б.Виноградов), из селения Верхний Кокалой, монеты Ивана III и Ивана IV из чистого серебряных монет, найденных на землях станицы Петровской. Русская лягушка упоминает в Малчарах купцов из русов, среди руин города подчищата исковская дольга XV в. (Н.Г.Болкова).

Со второй половиной XV в. начинают устанавливаться дипломатические отношения с государствами образования Закавказья. Достигнутый успех был возможен только при условии добре честности и

заинтересованности народов Северного Кавказа. Т.Д.Боцладзе отмечает, что "позиция северокавказских политических образований имела весьма важное значение, поскольку эти связи могли осуществляться только через Северный Кавказ". Однако письменных источников об участии северокавказских народов в этом общекавказском процессе нет.

В диссертации прослеживается дальнейшая судьба русского населения, попавшего в северокавказский регион в предшествующую эпоху, и его роль в формировании казачества. На наш взгляд, формирование собственно больших казачьих общин на Тереке, относится к концу XV в. и продолжается вплоть до середины XVI в.

В настоящее время накоплен материал, позволяющий говорить о сохранении русского населения на Северном Кавказе на всем протяжении XVI в. Продолжает охраняться русский контингент в Майртупе. Генетические предания чеченцев и Дольклор гребенских казаков называют основным местом первоначального расселения этнических предшественников казачества предгорья Большой Чечни, в том числе и район Майртупа. А.Ригельман среди мест занятых казаками упоминает "ущелье Татар-Тупово". Возможно, с русских, обитавших в горных районах Северного Кавказа в 1518 г., писал Сигизмунд Герберштейн. Среди немногих предметов XIV-XVI вв. русского происхождения, известны два зиккотиона, найденные в районе Пятигорска и Майртупе.

Серьезный вклад в разрешение вопроса о времени переселения казачества на Терек внес А.А.Шенников, предложивший вернуться к версии И.Попко о разанском происхождении казачества. В работе рассматриваются причины переселения выходцев из Червленного Яра на Терек, произшедшее в 1480-1490 гг. (А.А.Шенников, Л.Н.Гумилев).

Подводя итог исторических коллизий перемещения русского населения в районы Северного Кавказа и формирования на его основе института казачества на Тереке, отмечается его длительный и сложный характер. Первые шаги истории терского казачества начинаются с поселения во второй половине XIII в. полигатнических по своему составу бродников, археологически их место обитания зафиксировано только в районе селения Майртуп. Одновременно в горные районы северокавказского региона начинается инфильтрация беглых русских людей с золотоордынских центров, часть которых концентрируется вокруг поселений бродников. Перемещение отдельных представителей и групп населения на Северный Кавказ, очевидно, продолжается на всем протяжении XIV-XV вв. Первое переселение собственно казачества про-

изошло в 1480-1490 гг. из Червлennого Яра. Поднявшись вверх по Тереку в предгорья Чечни, они должны были столкнуться с сохранившимися здесь русским населением. Слияние этих двух разновременных потоков и дало феномен, известный истории как терское (гребенское) казачество.

В заключении формулируются основные выводы исследования.

По теме докторской опубликованы следующие работы:

1. Находки драгоценных предметов в бассейне рек Кумы и Терека (Х-XV вв.) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. - Грозный: ЧПУ, 1979. - С.120-125 (в соавт. с Т.С.Магомаевой).

2. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Даулата (Делякова) // Известия АИ Гру.ССР. Серия истории, археологии, этнографии, искусства. - Тбилиси, 1981. - № 2. - С. 149-159 (в соавт. с В.Б.Виноградовым).

3. Древняя Русь и Северный Кавказ в X в. и э. // Археология и краеведение - вузу и школе: Тез.докл. - Грозный: ЧПУ, 1981. - С. II-13.

4. XII-ам ануси и хыссинати салгади // Оштуаг. - 1981. - С.82-86. - На осет.яз. (в соавт. с В.Б.Виноградовым).

5. Страница русско-кавказских отношений XI в. // Вопросы истории. - 1982. - № 7. - С.182-184 (в соавт. с В.Б.Виноградовым).

6. О новых исследованиях по истории русско-кавказских связей в X-XII вв. // Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава ЧПУ им.Л.Н.Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 г. - Грозный: ЧПУ, 1983. - С.61-62.

7. Тергояче связи Древней Руси и Северного Кавказа в домонгольский период (историографический обзор) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. - Грозный: ЧПУ, 1984. - С.71-76.

8. Осветление русско-северокавказских связей в XI-XV вв. в отечественной исторической литературе // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. - Грозный: Чеч.-Инг. кн.изд-во, 1985. - Вып.3. - С.163-165 (в соавт. с Х.М.Ницневым).

9. Русско-кавказское историческое единство: (альтернативы и реальность // Археология и краеведение - вузу и школе: Тез.докл. - Грозный: ЧПУ, 1985. - С.15-17 (в соавт. с Т.С.Магомаевой).

10. Л.Н.Семанов о ранних русско-северокавказских связях // Л.Н.Семанов - профессор-кавказовед, учений-историкомирист: Тез.докл.- Грозный: ЧПУ, 1986. - С.14-16.

11. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. - Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1986. - С.70-81 (в соавт. с Д.Ю.Чахюевым, Е.И.Нарожним).

12. Ранние русско-северокавказские связи в творческом наследии Н.П.Грищенко // Профессор Н.П.Грищенко - исследователь русско-вайнахского исторического единства и классовой борьбы в дореволюционной Чечено-Ингушетии: Тез.докл. - Грозный: ЧПУ, 1987. - С.13-14.

13. Некоторые аспекты русско-северокавказских связей в XIV - начале XVI в. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. - Грозный: ЧПУ, 1987. - С.72-75.

14. К проблеме присутствия русского населения на территории Терско-Кумского междуречья в XII-XVI вв. // Из истории русско-северокавказских связей (К 1000-летию первого упоминания в летописях Тмутаракани): Тез.докл. - Краснодар, 1988. - С.23-25 (в соавт. с Е.И.Нарожним).

15. Новые данные о пребывании русских людей в бассейне Терека в XII-XIV вв. // 1568 год - важная веха на пути становления русско-вайнахского историко-государственного единства: Тез.докл. - Грозный: ЧПУ, 1988. - С.14-17 (в соавт. с Е.И.Нарожним, О.Б.Емельяновым).

16. Страницы ранних русско-вайнахских связей в ущелье реки Асы // Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством Кавказской перекрестной железной дороги и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника: Тез.докл. - Грозный: ЧПУ, 1989 г. - С.60-61.

17. Русские настенные кресты XII-XV вв. в Предкавказье - источник связей с Восточной Европой // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимосвязях Востока и Запада в XII-XVI вв. - Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1989. - С.117-122.

18. Взаимоотношения России с народами Северного Кавказа и их последствия: Программа спецкурса. - Грозный: ЧПУ, 1990. - 22 с. (в соавт. с С.Л.Дудиревым, К.Э.Махмудовой).

19. О драгоценных предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). - Грозный: ЧПУ, 1990. - С.6-17 (в соавт. с В.Б.Виноградовым, Е.И.Нарожним).

20. Ранние страницы русско-кавказских связей на берегах Терека // К истории низовьев Терека XIII-XIX веков: Тез.докл. - Кизляр, 1991. - С.4-5.